

16 ФЕВРАЛЯ – 59-Я ГОДОВЩИНА ОСВОБОЖДЕНИЯ РАЙОНА
ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

Начало мирной жизни

Ежегодно в середине февраля мы по традиции отмечаем годовщину второго и окончательного освобождения нашего района от немецко-фашистских оккупантов. Казалось бы, об этом событии многое уже знаем. Известно, какие части нашей армии изгнали из района, сел, хуторов иноземных захватчиков, кто из советских воинов при этом погиб, кому из наших земляков выпало счастье освободить родные края... И все же люди, пережившие оккупацию, продолжают посылать в редакцию свои воспоминания. И в этих письмах – новые детали, штрихи картин того времени.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей рассказ ветерана педагогического труда Астхик Геворковны Харахашян из Чалтыря.

...В феврале 1943 года на нашей улице, да и у нас во дворе, стояли немецкие солдаты, в основном, шоферы. По утрам они куда-то уезжали, а по вечерам возвращались. Мы, конечно, точно ничего не знали, но чувствовали, что назревают важные события. Это было видно по оккупантам. Они явно нервничали, но вели себя по-разному. Одни – вроде бы как смущенные, сникшие,

а другие лютовали больше прежнего.

И вот 15 февраля утром один из шоферов подзывает меня, указывает на себя, машет в сторону Таганрога и говорит:

– Цурюк, цурюк.

Я догадалась, что оккупанты собираются уезжать и, конечно, очень обрадовалась. Однако виду не подала – за это можно было получить кулаком, а то и похуже. Но что же немцу надо-то?

А тот чертит руками в воздухе круг, хвостик к нему и говорит:

– Чр-р-р, чр-р-р...

Поняла: сковородку ему надо. Принесла, отдала. Немцы тем временем поставили в доме свою переносную чугунную печку. Недолго думая, разломали бабушкин сундук, все остальное деревянное – и в топку. Приготовили себе еду, возбужденно о чем-то говорят. А у нас и мебели-то не осталось. Так я ночью почти что на ногах и спала от усталости.

Впрочем, ночью же, не знаю, в каком часу, слышу папин голос:

– Астхик, эти гурджи, кажется, ушли, нет их!

Мы фашистов между собой во время оккупации “гурджи” называли. Ведь скажешь “немец” или “герман” – так они и понять могут, что речь о них, тогда тебе может и не поздоровиться.

Вышли во двор – тихо. Только где-то далеко

стрельба едва слышна, да во дворе горит большая немецкая машина (папа ее “вагон” называл). Ну, мы этого особо не опасались, знали, что в ней лишь обмундирование, одежда, белье. Кстати, немцы-то раньше еще пытались нам кое-что из своего барахла продать, да откуда у нас деньги были?.. Так та машина и сгорела дотла, только металл от нее на лом и остался.

На следующий день, уже когда было светло, приходит к нам тетя Шушаник и говорит:

— А у нас за сараем — наши солдаты.

Потом зашел еще кто-то и сообщил, что видел наших солдат на углу улицы Мясникяна и 3-й линии: они, мол, двигаются в сторону Золотой горы. По-видимому, это была передовая разведка, потому что только после обеда в село вошли основные части — пехота. Солдаты были хорошо одеты, обуты. Но выглядели уставшими, к тому же погода стояла туманная, слякотная. Вот тогда-то и стало ясно, что фашисты изгнаны. А ушли оккупанты по-разбойничьи, по-мародерски — с грабежа-

ми. Да напоследок убили пожилого человека — Никогос-баби Килафяна.

...Через несколько дней мне передали весть, что меня зовет Репека Хатламаджиян — в контору колхоза “Свобода” (ныне — имени Мясникяна). А она, контора, то есть, находилась на северной окраине Чалтыря, в конце улицы Хач-Пад.

Пошла туда, вижу — стоят Репека Хатламаджиян и Айкануш Тер-Акопян и о чем-то беседуют. Приблизилась, а Репека говорит:

— Ну, что, девчата, будем колхоз восстанавливать, как можем.

Отправились мы по домам, людей собирать. Многие и сами подходили. Только вот настоящих работников-то нет, в селе остались одни старики, женщины и дети, да мы, девчонки. Время весеннее, полевые работы надо начинать, а что и как делать? Ни знаний, ни опыта... Спасибо, старики все же подсказывали. Первым делом собрали кой-какой материал для сева. Кто пшеницы дал немного, кто — кукурузы, кто — ячменя...

Так и начали колхоз восстанавливать. Р. Хатла-

маджиян была председателем, А. Тер-Акопян — секретарем, я — учетчицей. В первую весну и лето все работы вручную делались, а пахали на коровах. Техники по сути не было. Потом кое-как отремонтировали тракторы. Ими управляли и женщины. Мы каждый день провожали трактористов на работу, а вечером с замиранием сердца ждали обратно — все ли вернутся? На полях-то еще оставались снаряды, мины, гранаты, взрыв мог прогреметь в любую секунду... По осени, собрав урожай, раздали на трудодни. По 8 килограммов пшеницы на человека вышло. Как жить? Слезы...

Весну 1943 года мы провели в тревожном ожидании: враг был недалеко, Таганрог еще находился в его руках. Только после того, как город был взят нашими, напряжение спало. Осенью же начали восстанавливать школу, я пошла туда работать учительницей. Но это — уже другой рассказ.

А. ХАРАХАШЯН,
ветеран педагогического труда.

